

Очередной выпуск школы стоял на плацу, глядя на небольшую трибуну, откуда на них взирал их командир и учитель. Елисей, оглядывая лица подростков, сглатывал подступавший к горлу ком, уже жалея, что все так быстро закончилось. Ведь самому старшему в строю — восемнадцать, а самому младшему только шестнадцать.

«Еще мальчишки совсем», — думал он, незаметно сжимая кулаки, чтобы не выдать своего волнения.

Пятеро нанятых музыкантов изобразили что-то весело-бравурное, и три десятка юных пластунов, демонстрируя выучку, строем продефилировали мимо трибуны. Не столичный парад, конечно, но и не стадо бычков на выпасе. Шли мальчишки ровными рядами, печатая шаг. В общем, посмотреть было приятно. Распустив строй, Елисей легко сбегал с трибуны и, отойдя в сторону, тяжело вздохнул, снимая папаху и взлохматив пятерней чуб.

— Шо, казак, тяжко? — негромко спросил старый Мирослав, подходя к нему.

— Тяжко, дядька, — не стал кокетничать парень, снова вздыхая.

— Доля твоя такая. Выучить, да и в жисть выпустить, — сочувственно кивнул старый казак. — Зато завсегда можешь с командиров ихних спросить, почто не сберегли.

— Как же я с них спрошу? — удивился Елисей, не ожидавший такого захода. — С них только атаман спросить может. А я так, сбоку припека.

— Не скажи, Елисей, — качнул казак седым чубом. — Ты ребят от души учишь. Вижу. Да и все знают. А то, что им приказ дурной отдали, то их новых командиров забота. И спросить за то ты с них еще как можешь. Только круг казачий собери. А тебе на то только свистнуть.

— Что-то ты, дядька Мирослав, путаешь, — насторожился парень. — Круг казачий своей волей только атаман собрать может или выборный, кто от его голоса говорит. Когда такое было, чтобы не реестровый казак круг собирал?

— Это кто тут не реестровый? — вдруг вскинулся старик. — Ты дурного-то не городи. Или это мне титул ажно император присвоил?

— Погоди, дядька. Что-то ты меня совсем запутал, — тряхнул Елисей головой. — То, что я титул получил, для казаков никогда указкой не станет. Мы завсегда без титулов жили. Или я путаю чего?

— Путаешь, — решительно отрезал старик. — Это сторонние дворяне для нас никто и звать никак. А свой казак, титул обретший, знак, что словие наше для императора кое-что да значит. А значит, и прав у него поболее, чем у иного выборного будет. Уж поверь.

— Это кто ж такое решил? — растерянно поинтересовался Елисей.

— А круг казачий и решил, — ехидно усмехнулся старик. — Вот на следующей седмице будет сход, сам приди да спроси.

— А с чего сход? Что решать станете? — насторожился парень. — Вроде ж тихо все в крепости было.

— Так то в крепости, — отмахнулся Мирослав. — Хуторяне жалобу подали. Никак между поделить не могут.

— Им что, земли мало? — фыркнул Елисей.

— Там не по земле спор, — отмахнулся старик. — Из-за молодых свару затеяли. Парень с девкой жениться задумали, а родичи против. Вот до круга и дошло.

— Дурень. Выкрал бы девку и все дела, — фыркнул Елисей, поправляя кобуру с пистолетом.

Да-да, именно пистолетом. Отдаленно смахивающий на посконный ПМ, калибром примерно девять миллиметров, с девятью патронами в обойме. Этот ствол он собрал с помощью своей артели и теперь старательно его обкатывал в поле. Стрелял при любой возможности, тщательно выискивая все детские болезни. Но к его собственному удивлению, пока оружие с честью выдерживало все испытания.

— Ну, не все такие боевитые, — одобрительно усмехнулся Мирослав. — Это ты с младых ногтей все сам да сам. А там супротив старших и не пикнешь. Особливо старые там суровы.

— Казаки, или так, ряженые? — на всякий случай уточнил Елисей.

— Ну, тут как посмотреть. С первого погляду вроде и казаки, а как копнешь, скорее уж крестьяне, — задумчиво протянул старик. — Но в реестре пишутся. Потому и круг собрать кланялись. А ты на него приходи. Сам многое увидишь да узнаешь.

— Добре, дядька Мирослав. Приду. Теперь уж можно будет. Ребят выпустил, так что время будет, — грустно улыбнулся Елисей.

— Не жалей. Не надо, — чутко отреагировал старик на его настроение. — Так всегда бывает.

И родные дети из отчего дома уходят, чего уж про приемных говорить.

— Знаю, дядька. А все одно грустно, — нехотя признался Елисей.

— А коль грустно, делом займись. А еще лучше к батюшке сходи. Давно ведь там не был, — укорил старик.

— В прошлом месяце ходил. Сам знаешь, перед выпуском дел выше головы было, — кивнул парень, понимая, что получил добрый совет.

— Вот и сходи, — не унимался старик. — Тебе не сложно, а батюшка упомнит.

— Он говорил, ему другая служба нужна. Ратная, — вступил в полемику Елисей.

— А твоя служба ратная и есть, — моментально нашелся старик. — Ты ему воев готовишь.

— Ему? — удивился парень, не ожидавший такого ответа.

— А кому ж еще? — возмутился старый казак. — Христу воины без надобности. Ему поклоны да требы нужны. Тут ведь как, — снизошел он до объяснений. — Ты батюшке сам посвящен, ему и служишь. А через тебя и выученики твои ему службу воздают.

— Похоже, — задумчиво кивнул парень.

Потом, встряхнувшись, широко улыбнулся и, хлопнув казака по плечу, решительно закончил:

— Добре, дядька. Вот выпуск отгуляем, и схожу.

— От и добре, — кивнул казак и, развернувшись, заковылял к дому.

Елисей уже собрался было пройти в комендатуру, чтобы лично пригласить майора Милютина Алексея Захаровича на праздник, когда на плац выехала целая кавалькада всадников, сопровождавших сразу три коляски. Удивленно разглядывая

этот выезд, парень пытался понять, кого принесло в крепость на этот раз, когда от кавалькады отделился всадник и направил коня легким галопом к собравшимся в кучу выпускникам.

Заметив на всаднике офицерские погоны, Елисей удивленно хмыкнул и направился в ту же сторону. Зная своих башибузуков, он вполне справедливо опасался, что за какую-нибудь глупость господину офицеру может и не поздоровиться. Казачата воспитывались в почтении к роду, казачеству, империи и Господу Богу. Все остальные для них авторитетом не являлись и отправлялись по вполне конкретному адресу.

Между тем офицер, подъехав к радостно галдящим казачатам, что-то спросил и, получив ответ, выпрямился в седле, старательно, оглядываясь. Заметив не спеша идущего Елисея, он ловко развернул коня и двинул его навстречу парню. Елисей, готовясь к выпуску, надел белую черкеску со всеми знаками различия и наградами, так что не приметить его было сложно.

Осадив коня прямо перед парнем, офицер окинул его долгим, внимательным взглядом и, привычным движением руки расправив усы, спросил:

— Сударь, это вы являетесь директором школы пластунов?

— Есаул, князь Халзанов. К вашим услугам, — коротко представился Елисей, выжидающе глядя на него.

— Штаб-ротмистр Каховский. Сопровождаю офицеров штаба войск в инспекционной поездке, — чуть подумав, представился офицер.

— Чем могу служить, господин штаб-ротмистр? — нейтральным тоном поинтересовался Елисей, всем своим видом давая понять, что

служить этим инспекторам никоим образом не собирается.

— Господа офицеры желают инспектировать вашу школу.

— Это с какой пьяной радости? — невольно вырвалось у парня.

Такой наглости от штабных он никак не ожидал. Школа пластунов официально входила в состав казачьего войска и к штабу отношения никаким боком не имела. Более того, в полученных из столицы бумагах было прямо оговорено, кто именно может проверять и инспектировать школу и кому конкретно она подчинена. А таковых можно по пальцам одной руки пересчитать. А тут такой афронт. Удивленно хмыкнув, Елисей поправил папаху и, пожав плечами, равнодушно ответил:

— Боюсь, господа, инспекция опоздать изволили. Сегодня состоялся выпуск учеников школы, и с завтрашнего дня все они отправятся к новому месту службы. Но саму школу они осмотреть могут.

— Сударь, вы в своем уме? — возмутился штабротмистр.

В ответ Елисей только презрительно усмехнулся. По тому, как этот офицер упорно отказывался титуловать его согласно правилам, парень понял, что скандала ему не избежать. Так что нечего и стараться.

— Я сударь, в отличие от вас, даже трезв, — фыркнул он, делая шаг вправо.

Таким образом он оказался слева от всадника, в неудобном для него месте.

— Мою школу инспектировать может только государь император, атаман казачьего войска и казачий круг. А все остальные мне не начальники. Так что припрячьте свои хотелки куда подальше и сту-

пайте с богом, пока целы и здоровы, — посоветовал он, начиная злиться.

— Вы за это ответите, — прошипел офицер, с силой дергая повод, чтобы развернуть коня.

* * *

— Как вам это нравится?! — возмущению графа Васильева не было предела. — Этот выскочка посмел заявить нам, что мы не смеем инспектировать его школу!

Жадно затягиваясь папиросой, он расхаживал по кабинету коменданта, пыхтя, словно разогретый самовар. Майор Милютин, откинувшись в кресле, не спеша затянулся и, выпустив длинную струю дыма, посоветовал, пряча усмешку в аккуратно подстриженные усы:

— Да вы присядьте, граф. Право слово, в ногах правды нет. И то сказать, как ни крути, а князь прав. И на то у него даже соответствующая бумага имеется.

— Да плевать мне на его бумаги, — фыркнул граф, буквально падая на ближайший стул. — Он посмел отказать куче дворян, офицеров, прослуживших в армии много лет.

— Так и он не вчера службу свою начал, — все так же спокойно ответил майор.

— Я что-то не пойму, вы его защищаете? — снова начал заводиться граф.

— Господь с вами, граф, — отмахнулся майор. — И в мыслях не было. Я просто хочу удержать вас и ваших друзей от необдуманных поступков. Уж поверьте, дуэль с князем — это такой замысловатый способ самоубийства и ничего более.

— Вы так уверены в его способностях? — насторожился граф, заметно сдвинувшись.

— Уж поверьте, ваше сиятельство, я это знаю. Да вы и сами вполне убедиться можете. Достаточно утречком на стрельбище сходить. Вот уж где никакого цирка не надо. Князь там такие трюки показывает, что дивиться устанешь.

— Ну, это с нарезным оружием. Слышал я, что из револьвера он знатно стреляет, — нехотя кивнул граф. — А дуэльные пистолеты, осмелюсь напомнить, гладкоствольные, и к ним привычку иметь надо.

— Так он с них и начинал, — развел комендант руками. — И первые свои пистолеты с цельным патроном, гильзовым, из обычных переделывал. Замки менял. И надо признать, он уже тогда стрелял знатно. Есть у него талант к этому делу.

— Вы сами это видели? — уточнил майор, покосившись на него с подозрением.

— А как же. Сам, вот этими самыми глазами, — решительно кивнул комендант. — Во время осады он своей стрельбой османово войско почти всех офицеров лишил. Словно перепелок их отстреливал.

— Выходит, он воевал? — уточнил граф, заметно растеряв весь свой запал.

— И еще как! — указуяще вскинул комендант указательный палец. — А ежели точнее говорить, то воевать он начал еще раньше. Станица его в мор вся вымерла. Всего несколько человек в живых осталось. А о том горцы прознали и решили ночью поживиться чем. Вот он да казак один старый тот набег и отбили. Вдвоем. Только оружие по домам собрали. Казака того в том бою подстрелили, а Елисей, как видеть изволите, по сей день жив. И уж поверьте, на большую нашу удачу, — вздохнув, закончил комендант.

— Хотите сказать, что он, тогда еще совсем мальчишка, сумел как-то крепость спасти? — не поверил граф.

— Мальчишка, — понимающе усмехнулся комендант с непонятной интонацией. — Этот, как вы изволили выразиться, мальчишка почитай один умудрился прорыв горцев на стену отбить. Ежели желаете, сведу вас с солдатами, что сами то видели. Уж поверьте, ваше сиятельство, Елисей многое тут сделать успел. И все на пользу крепости и отечеству. За то и поощрение высочайшее получил. А вы... «выскачка», — мягко укорил он офицера.

— Выскачка и есть, — моментально ощетинился граф. — Пейзанин немыйтый. Сопляк.

— Выбирайте выражения, граф, — жестко осадил его майор. — Не в кабаке.

— Простите, господин комендант, — опомнившись, извинился граф. — Но я никак не могу принять, что какого-то крестьянского мальчишку уравняли со мной, дворянином в пятом поколении.

— В пятом? — иронично хмыкнул комендант. — А до того вы предков своих помните? — с загадочным видом поинтересовался он. — Я вот могу точно назвать шесть поколений предков своих. А вы?

— Так же, — удивленно пожал плечами граф. — Но при чем здесь наши с вами пращурь?

— А при том, дорогой мой граф, что этот, как вы изволили выразиться, пейзанин, своих предков еще со времен первых христиан на Руси помнит. А род его тут живет еще дольше. Это и называется родовой казак. И таких тут, уж поверьте, немало. Это, можно сказать, казачья аристократия.

В голосе коменданта смешались издевка, ирония и восхищение. Слушая его, граф все больше

выпрямлялся, пока не стал напоминать доску. Шершавую и занозистую.

— Да и кто мы с вами такие, чтобы оспаривать решение самого государя императора? — между тем продолжал комендант. — Думаю, решение это было продуманным и взвешенным. Недаром ведь принималось оно в столице, пока Елисей тут в горах геройствовал.

— Думаете, у него имеются высокие покровители? — тут же отреагировал граф.

— Вот уж чего никак знать не могу, — поспешил откреститься майор. — Я же ведь тоже из крепости уже который год не выезжаю. Все служба покоя не дает. Дела, будь они неладны. Почитай, лет двадцать в столице не был.

— Ничего не понимаю, — растерянно признался граф. — Вы ему особо не покровительствуете. При дворе генерал-губернатора про него тоже до момента оглашения высочайшего указа слыхом не слыхивали. Тогда как о нем вообще при дворе узнали? Хотя, если вспомнить, что он женился на дочери князя Буачидзе, пусть и незаконнорожденной, то многое становится понятным.

— А вот эту тему, ваше сиятельство, вам лучше вообще не задевать, — поспешил осадить графа комендант. — Послушайте дорогого совета. Наживете себе таких врагов, что не приведи господи. И сам Елисей, и старый князь, и сынок его, все на вас накинута и не уймется, пока не изведут. Князь Дато дочку свою официально признал, так что воздержитесь, граф. Мой вам добрый совет.

— Я не трус, господин майор, — вскинулся граф.

— Да господь с вами, сударь, — всплеснул руками комендант. — Я такого и не говорил. А вот по-

мереть на дуэли из-за дурного слова у вас запросто получиться может. Уж поверьте.

— Так что ж вы меня все дуэлями-то тогда пугаете? — возмутился граф.

— Да кто ж вас пугает? — развел майор руками. — Предупредить стараюсь. Да тот же Ильико, княжич, первым вам перчатку бросит. И не смотрите, что однорукий. Он в нашей школе стрелять обучался.словно мальчишка, вместе со всеми на стрельбище кувыркался да одежду драл. Но выучился. Вот чего у Елисея не отнять, умеет он нужному обучить. Дал господь талант.

— Ну, хорошо. Будь по-вашему, — помолчав, вздохнул граф. — Стрелки они все непревзойденные. Допустим. А что насчет белого оружия?

— Вы, ваше сиятельство, в своем ли уме или белены объелись? — ехидно поддел его комендант. — Когда ж такое было, чтобы казак белым оружием не владел? А уж Елисей, тот вообще двоерукий.

— Это как? — не понял граф, забыв обидеться на сентенцию майора.

— А так. Он умеет сразу двумя пашками орудовать. И выучеников своих тому учит. Всех, — закончил комендант так, словно печать приклепнул.

— Вот! — подскочил граф. — Вы сами сказали. Пашками. А против шпаги он ничего противопоставить не сможет.

— Насчет шпаги ничего не скажу, не знаю. Но думаю, он и тут управится, — помолчав, задумчиво протянул комендант. — Вы поймите, ваше сиятельство. Он ведь не просто солдат опытный или казак. Он из тех, которых считают одного на тысячу, а то и поболее. У него война в крови. Ну не знаю я, как вам это правильно объяснить. Да только сила его не в умениях, а в том, как он думает.